

И. М. Дьяконов

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ПЛЕННЫХ В АССИРИИ И УРАРТУ*

До недавнего еще времени считалось, что существующие источники по истории Урарту — главным образом урартские и ассирийские царские надписи военного, отчасти строительного и культового содержания — на дают никаких твердых данных для суждения о конкретных социально-экономических отношениях внутри этого государства¹. Можно было лишь чисто теоретически заключать о том, что это было государство рабовладельческое, и указания урартских надписей на тысячи пленных, уводившихся при каждом походе урартских царей, являлись подтверждением этого вывода, к которому приходили все советские исследователи. Но дальнейшая судьба этих пленных оставалась неясной, и характер их эксплуатации, характер хозяйств, в которых они использовались, и весь комплекс классовых отношений в Урарту оставались предметом гаданий.

Г. А. Меликишвили, кропотливо собрав встречающиеся в ассирийских и урартских текстах случайные и косвенные данные и привлекая ряд текстов, которые сделались доступными для исследования благодаря предложенному им остроумному объяснению ряда ранее непонятных выражений и терминов, или таких текстов, которые ранее были мало известны, впервые попытался дать картину, — хотя бы и приблизительную, — внутреннего социально-экономического устройства Урарту. Некоторые черты этой картины определяются теперь весьма убедительно и ясно. Своей работой Г. А. Меликишвили положил начало изучению социально-экономического строя Урарту.

В настоящей заметке речь будет идти лишь об одном из тех моментов экономики Урарту, которых коснулся в своей работе Г. А. Меликишвили. Он устанавливает, что урартские цари создавали по всему государству сеть укрепленных городов, или крепостей, в которых имелись крупные хранилища хлеба, вина и других продуктов, а также оружия и утвари, которые обеспечивались специально сооруженными по приказам царей пригационными каналами и были окружены полями и виноградниками: последние иной раз носили имена того или иного царя, например «Русина долина», «Минуина долина», «Сардуриев виноградник», и т. д. Урартские

* По поводу статьи Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту, ВДИ, 1951, № 4, стр. 22 сл. Печатается в порядке обсуждения проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире.

¹ См., например, Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 24; И. М. Дьяконов и И. М. Лурье, Рецензия на книгу В. И. Авдиева «История древнего Востока», ВДИ, 1950, № 1, стр. 125.

шари во время своих походов захватывали и уводили тысячи и десятки тысяч пленных обоого пола и, как в некоторых случаях можно установить, селили их в таких городах или крепостях.

Г. А. Меликишвили склонен, повидимому, рассматривать урартские административные центры-крепости по преимуществу как центры царских хозяйств, а окружающую их территорию — как собственно царские земли, на которых в своей основной массе и использовались в качестве рабов захваченные пленники. Нам кажется, что имеющиеся данные, главным образом ассирийские, позволяют представить себе несколько иначе, каким образом могли использоваться захватывавшиеся урартским войском пленные и, в частности, в какой мере они могли поглощаться собственно царским хозяйством.

Во избежание ложного представления следует сразу оговорить, что эти царские хозяйства мы не должны, по всей вероятности, представлять себе по типу хорошо известных царских «латифундий» позднего Шумера конца III тысячелетия до н. э. Хотя захваченные на войне люди, особенно женщины, несомненно составляли часть трудового населения колоссальных царских хозяйств Шумера, однако, по общему мнению советских последователей¹, большинство или во всяком случае значительная часть «гурушей», работавших в этих хозяйствах, были не военнопленными, а потомками тех зависимых людей, которые в более ранний период, за натуральное довольствие или за наделы, работали на землях храмовых хозяйств. Значительное же число пленных-мужчин, захваченных в бою в древнейшем Шумере (как это показал акад. А. И. Тюменев²) и еще позднее, при династии Аккада³, а вероятно, и при III династии Ура, истреблялось. И в самом деле, использование в качестве рабов огромных отрядов сильных и здоровых мужчин, еще вчера бывших свободными воинами, представляло бы величайшую опасность для существовавшего общественного и государственного строя; оно могло бы иметь место только в случае значительно большего развития производительных сил и в условиях совершенно подавляющей военной мощи — и, в частности, военной техники, — которой не располагало государство Шумера и Аккада. И в численном и в техническом отношении его войско не представляло особого контраста с ополчениями окружающих племен и народов, на что указывают случаи, подобные завоеванию Шумера и Аккада сравнительно отсталыми племенами кутиев. Точно так же нет оснований думать, что государство Урарту обладало несравненно большей, по сравнению с окрестными племенами, военной мощью и военной техникой.

Но и в том виде, в каком в действительности существовали царские рабовладельческие хозяйства Шумера — преимущественно на основе порабощения зависимых, но ранее лично свободных работников, — эти хозяйства могли функционировать только при наличии строжайшего и слож-

¹ Акад. В. В. Струве, Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока, ИГАИМБ, № 77, стр. 57, полагает, что рабы царских хозяйств III династии Ура рекрутировались в основном из пленных, но и он считает, что частично состав их пополнялся и из местного населения. На это указывает и применение к ним термина KAL (gurus), ранее относившегося к свободным; ср. о нем же, Очерки социально-экономической истории древнего Востока, М. — Л., 1934, стр. 15; Н. М. Никольский, ВДИ, 1941, № 1, стр. 52 сл., и акад. А. И. Тюменев в ВДИ, 1946, № 2, стр. 10 сл., считают гурушей местными жителями и даже сомневаются в их рабском состоянии. По В. И. Авдееву, История древнего Востока, М., 1948, стр. 49, рабы царских хозяйств Шумера состояли частью из военнопленных, частью из порабощенных местных жителей.

² А. И. Тюменев, Хозяйственный персонал храма Бау, ВДИ, 1948, № 1, стр. 25, прим. 4.

³ Так, Римуш при покорении Ура, Уммы и других городов казнил 5700 «мужей» и увел в плен только 5460 человек, RISA, 118 и 120.

нейшего бюрократического контроля, требовавшего громадного, неуклюжего и дорогостоящего аппарата писцов и надзирателей, следом существования которых являются дошедшие до нас десятки тысяч документов отчетности храмовых и царских хозяйств. Пассивное и активное сопротивление эксплуатируемых в этих хозяйствах работников делало эти хозяйства ненадежными и в конце концов, вероятно, мало рентабельными. Это сопротивление делало из многотысячных отрядов «гурушей» естественных союзников всякого внешнего врага государства, в особенности это должно было сказываться при вторжении племен, стоявших на более низком уровне развития, у которых, соответственно, меньше были развиты рабовладельческие отношения. После падения III династии Ура в борьбе с Эламом и вторжения в Двуречье западно-семитских кочевников царские хозяйства такого типа исчезли, а царские земли были розданы небольшими наделами воинам и чиновникам за их службу и главным образом — мелким зависимым держателям царской земли из доли урожая — *issakku*; все эти держатели наделов каждый на своем участке, даже и на царской земле, вели преимущественно индивидуальное рабовладельческое или личное хозяйство умеренных размеров. Царские «латифундии» типа царских хозяйств III династии Ура и соответствующие им гигантские архивы после падения этой династии нигде и никогда на всем протяжении древней истории Передней Азии в таком виде больше не встречаются, заменяясь экономическими образованиями и архивами иного характера. И не это удивительно, а удивительно то, что такие царские «латифундии» могли просуществовать, не развалившись, в условиях столь низкого развития производительных сил в течение сотни-другой лет¹.

Поэтому трудно ожидать в Урарту наличия царских хозяйств «шумерского» типа. Повидимому, эти хозяйства должны были носить другой характер. Наиболее вероятно, что положение в Урарту было во многом сходно с положением в соседней и близкой по культуре Ассирии.

Современники Урарту, ассирийские цари, особенно начиная со времени Тиглатпаласара III (745—727 гг. до н. э.), захватывали и уводили не меньшее количество пленных, чем цари урартские. В то же время обширные захваченные ассирийским войском территории становились государственными землями². Это, однако, не приводило к созданию царских полевых хозяйств «шумерского» типа. Поселенные на земле пленные, как царские, так и розданные или проданные частным лицам, считались и были рабами, представляя собой, наряду с орудиями производства, собственность своих господ, но тем не менее они вели самостоятельное хозяйство³, отдавая, очевидно, господам определенную часть дохода своих полей. Сходным образом поступали еще раньше и хеттские цари: в хеттском царстве часть пленных, повидимому, сажали на землю и представляли им возможность вести самостоятельное хозяйство⁴ при условии повинности государству. Их можно рассматривать как государственных рабов — институт, характерный для раннерабовладельческих обществ. Это имело место всюду, где численность военнопленных вследствие недостаточного развития производительных сил далеко превосходила потребность отдельных рабовладельческих хозяйств в рабах.

¹ Здесь не место, конечно, останавливаться на специфических причинах этого явления: к этому вопросу автор надеется вернуться в другой работе.

² См. И. М. Дьяконов, РЗОА, стр. 121.

³ Там же, стр. 100—104.

⁴ Так, если придерживаться понимания хеттск. *hipragas* (также *NAM·RA^h₄* и, возможно, (*LÚ·SI^{mes}*) как «пленных», см. «Хеттские законы», табл. I, §§ 40, 48.

Пленные, действительно, обращались в рабство и селились на государственных землях, но не входили в состав отрядов работников царских шоловых хозяйств, а просто вносили продукты своего труда в государственную казну. Большие отряды рабов всегда представляют опасность для рабовладельца¹ и требуют значительно большей организованности государственного аппарата и военных сил, чем это имело место в странах древнего Востока. Но и классическое античное рабовладение, которое могло развиваться только в условиях античной формы собственности на землю, в сельском хозяйстве было обычно выгодно только при ограниченных размерах отдельных рабовладельческих хозяйств; как известно, рост латифундий «погубил Рим».

В условиях рыхлых, примитивно организованных и неустойчивых государственных образований огромные царские хозяйства были невыгодны политически и экономически.

Состояние формально-свободного крестьянина-общинника в странах Передней Азии в I тысячелетии было весьма тяжелым. Наблюдаемая в это время общая тенденция экстенсивного развития рабовладельческих способов эксплуатации ставила каждого незажиточного земледельца на грань обращения в кабальное рабство, которое мало отличалось от положения настоящего раба. Ряд других обстоятельств также способствовал ухудшению положения рядовых общинников. К этому следует добавить, что жители окружавших Ассирию стран жили под постоянной угрозой ассирийского военного нашествия и что ассирийцы стремились физически уничтожить всех тех жителей захваченных ими территорий, которых им не удавалось увести в плен. В этих условиях часть общинников соседних с Ассирией стран шла на переселение в глубь ассирийской державы, где их поселяли на царских землях. На это рассчитывали и ассирийские цари в своей политике. Вот, например, как рисовали судьбу переселенных эмиссары Синаххериба осажденным жителям Иерусалима: «Так говорит царь Ассирии: „Совершите со мной примирение и выходите ко мне, и затем вкушайте каждый от лозы своей и каждый от своей смоковницы и пейте каждый воду водоема своего, пока я не приду и не заберу вас в страну, подобную вашей стране, страну зерна и вина, страну хлеба и виноградников, страну маслин и меда, чтобы вы жили, а не умерли“»². Конечно, это — демагогическая пропаганда, но пропаганда, рассчитанная на успех, и некоторые из жителей соседних с Ассирией стран подавались на нее.

Надо заметить, что не все пленные обращались ассирийцами в рабство; часть из них зачислялась в войско. Так, например, Саргон II включил из числа пленных израильтян 50 человек в состав привилегированной части ассирийского войска — колесничих³; Синаххериб сообщает, что «из полونا стран, [который] я полонил, 30 000 луков (т. е. лучников), [.....], щитов (т. е. щитоносцев) я свел в полки и [з их числа] и прибавил к [моему царскому полку]»⁴. Асархаддон, завоевав Шуприю, отобрал известное количество жителей и причислил к «царскому полку» (т. е. к постоянному войску); кроме того, он причислил к войску (повидимому, в смысле несения воинской повинности) шуприйских воинов различных родов оружия, а также ремесленников, земледельцев, пастухов и

¹ Ср. замечания по этому поводу у Е. М. Ш т а е р м а н, Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1951, № 2, стр. 95—96.

² II (IV) Ки. Царств, 18, 31—32; Ки. Псайн, 36, 16—17.

³ Н. W i n s k l e r, Die Keilschrifttexte Sargons, Lpz., 1885, стр. 4, стк. 15.

⁴ СТ, XXVI, табл. 1—39, стб. V, конец (ср. ВДИ, 1951, № 3, «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту», текст № 59).

садовников. Лишь сообщив об этом, текст Асархаддона прибавляет: «Прочих я распределил, как овец, между моими дворцами, моими вельможами, занятыми в моих дворцах, и жителями Ниневии, Кальху, Какзу и Арбелы» (т. е. важнейших городов собственно Ассирии, за исключением автономного Ашшура)¹. Несколько иначе обстояло дело лишь до Тиглатпаласара III, когда значительная часть пленных предавалась казни, остальные же обращались в рабов обычного типа, о чем свидетельствуют ассирийские рельефы того времени, где уводимые пленные изображаются не с повозками, женами, детьми и скарбом, как позже, а нагими, в шейных колодках или закованными.

Войско Ассирии, орудие ее военно-грабительской политики, вовсе не было, таким образом, войском одних только ассирийцев, как некое привилегированной народности; в этническом отношении оно было очень пестрым; некоторые полки состояли из представителей самых разных племен², имелись и полки, целиком состоявшие из представителей той или иной покоренной народности³. Сопротивление, оказывавшееся Ассирии покоряемыми народами, носило отчасти характер политической борьбы между господствующими классами соперничавших государств. по большей же части — характер классовой борьбы свободных земледельцев против поработителей, но не носило характера борьбы за «национальную» независимость против определенной угнетающей «нации». Трактовать эту борьбу подобным образом значило бы переносить в древность категории национального вопроса, свойственной эпохе капитализма и затушевывать значение классовой борьбы. Более привилегированная часть населения покоренной страны, легко включаясь в победоносное ассирийское войско и участвуя в его добыче, становилась вполне надежной опорой ассирийской военной державы. И если, например, Саргон II поселил в одном из завоеванных им пограничных районов Малой Азии, как сообщает он в своей надписи⁴, «случников-сутнев (кочевников-сирийцев), покоренных моими руками», то, конечно, он поселил их здесь именно как военный контингент, а не как рабов своего полевого хозяйства (которого в Ассирии как единого хозяйственного организма, подобного имевшемуся в Шумере, и не существовало); это было бы для пограничной территории слишком опасно и означало бы провоцировать восстание и побег недавно покоренных воинов. То же касается и других подобных указаний ассирийских текстов.

Сооруженные или возобновленные царями крепости, содержавшие крупные казенные склады продуктов и снаряжения, такие же как и в Урарту, известны и в Ассирии. Но ассирийские тексты прямо указывают, что это были склады собранного с населения натурального налога («зерна исторжения» — *sé'u, sé nusāhi* и «соломы» — *tibnu*)⁵, а не продуктов цар-

¹ ZA NF, VI (XL), 1931, № 3—4, стр. 234 сл. (ср. ВДИ, там же, текст № 67, к.).

² Письмо NABL, 1009 (времени Ашшурбанапала?) перечисляет состав нескольких ассирийских военных соединений. Здесь мы встречаем в одном отряде жителей Амка на границе Киликии и Сирии и кочевое арамейское племя Хиндару; киликийцев и самаритян; собственно ассирийцев и жителей ассирийской крепости Дур-Синахериб в Мидии и т. п.

³ Так, отряд, состоящий из филистимлян, упоминается в письме NABL, 218.

⁴ H. Winkler, ук. соч., стр. 112, стк. 82 («Торжественная надпись», см. «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту», ВДИ, 1951, № 3, текст № 54).

⁵ «Этот город (Тушхан на Верхнем Тигре) я взял себе, ссыпал там „зерно“ и „солому“ страны Нирбу» (Анналы Ашшурнасирапала, АКА, стр. 297 сл., стк. II, 8—9). То же сообщается о городе Атлила в стране Замуа на востоке, там же, стр. 325 сл., стк. II, 85—86, ср. II, 47, и о городе Арибуа в стране Хаттина на западе, там же, стр. 371, стк. III, 81—82.

ского хозяйства¹. У нас нет данных о наличии у ассирийских царей собственных полевых хозяйств латифундиального типа, хотя земельные владения их были громадны; повидимому, на царских землях сидели рабы, которые вели самостоятельное хозяйство². Их можно поэтому скорее назвать государственными рабами, чем рабами царского хозяйства. Они, повидимому, уплачивали «дань» (*mandattu*); эта «дань», как и натуральный валог со свободного населения, и сосредоточивалась в ассирийских крепостях-складах. Что касается царских ремесленных хозяйств в Ассирии, то, к сожалению, вопрос о них еще не разрабатывался; все же имеются данные, позволяющие думать, что они существовали и были весьма значительны. Достаточно вспомнить, что постоянное войско ассирийских царей находилось на царском снабжении и имело единообразное вооружение, происходившее, конечно, из крупных царских оружейных мастерских.

Сходное положение мы должны себе представить и в Урарту. Так, Аргишти I, построив крепость Ирбу (или Ирпу, Ирпуни, современное городище Арин-берд около Еревана), отмечает, что он поселил здесь 600 «бойцов» (*gunušini*) из Цуны (Софены) и Хате (Малой Азии)³. У нас нет никакого основания видеть в этих поселенцах рабов — зачем, в таком случае, понадобилось бы подчеркивать, что это были «бойцы»? Ведь и так ясно, что большинство военнопленных-мужчин ранее были воинами; но коль скоро они стали рабами, они уже перестали быть воинами; если же они названы здесь «бойцами», то, очевидно, потому, что они остались воинами и по переселении их на новое место, в данном случае — в пограничную крепость Ирбу. Характерно, что, как указывает Г. А. Меликишвили, вариантом термина *gunušini* «воины», «бойцы» в аналогичных контекстах является термин *'aše* «мужи» — обычное в урартских текстах обозначение военнопленных мужчин. Можно думать, что и в ряде других случаев, когда надписи говорят о переселении из покоренных стран «мужей» (*'aše*), то имеются в виду и «бойцы» (*gunušini*). Археологический материал, как нам кажется, не свидетельствует о том, что население строившихся урартскими царями крепостей состояло преимущественно именно из рабов, тем более из рабов полевых царских хозяйств. Дома, раскопанные в городе Тейшебаини (Кармир-блур)⁴, хотя и выстроены кварталами по одному плану и, повидимому, одновременно (что указывает на планомерное переселение сюда жителей), и хотя эти дома не имеют при себе служб, приусадебных земельных участков и индивидуальных продовольственных складов, которые указывали бы на самостоятельное хозяйство их обитателей, тем не менее не похожи на жилища рядовых рабов, массовыми отрядами работающих на полях царских «латифундий». Это скорее

¹ Судя по контексту, можно заключить, что эти крепости-склады, сооружавшиеся в пограничных районах на основных направлениях ассирийских походов, были опорными пунктами для снабжения войска.

² РЗОА, стр. 121—122. Представителями их являются люди, перечисленные в так называемом «Харранском реестре», см. там же, стр. 91—100.

³ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 27. Слово *gunušini* образовано от *gunu-še*, что, судя по контекстам, может означать только «битва», «штурм» или что-либо подобное (применяется при упоминании взятия крепостей и завоевания стран,

но не людей; встречается также упоминание *BE-LImes gu-nu-ši-ni-e-i* «оружия бойцов» или «боевого оружия» см. Лет. Сард., VI, 9). Грамматическая форма слова *gunušini* говорит также скорее всего в пользу его активного значения («действующий в битве», а не, скажем, «побежденный битвой»). Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что *gunušini* означает именно «боец», «воин». В Топузавинской билингве (RA, XLIV, 1950, стр. 187, стк. 15) слово *gunušini* передано по-ассирийски как *šābu* «воин».

⁴ См. предварительные данные у Б. Б. Пиотровского, Кармир-блур, I, Ереван, 1950, стр. 17 сл. См. также В. С. Сорокин, Древние идолы города Тейшебаини, ИАН Арм. ССР, 1951, № 5, стр. 71 сл.

достаточно добротные и поместительные жилища воинов или ремесленников; характерно, что в этих домах, повидимому, имелись специальные места для культа семейных или родовых богов, что трудно ожидать в жилищах рабов. Правда, в цитадели имелись крупные ремесленные мастерские для переработки запасов продовольственного сырья, которые, возможно, обслуживались рабским трудом; царское ремесленное хозяйство было вообще широко распространено во всех странах древнего Востока; но, с нашей точки зрения, нет достаточных доказательств существования здесь крупного царского рабовладельческого полевого хозяйства. Что касается отсутствия служб и земельных участков при домах внутри города, то ту же картину мы наблюдаем, например, также в Вавилоне и других древневосточных городах, хотя никто не сомневается, что ряд крупных собственников Вавилона, да и мелкие его граждане, имели за стенами города и земли под полями, садами, огородами, и стада скота. Если даже жители Тейшебаини и находились на казенном довольствии, то следует отметить, что в таком положении могли находиться не только рабы, но, скажем, также и воины, чиновники и лично свободные ремесленники. Правда, пока раскопана лишь незначительная часть города, но во всяком случае наличные археологические данные не требуют рассматривать население города Тейшебаини, как состоящее исключительно из гарнизона и рабов с их надзирателями.

Знаменитая реляция писца Набушаллимшуну о походе Саргона II в 714 г. до н. э. на Урарту, содержащая, пожалуй, наиболее богатые данные о внутренней жизни урартского государства, позволяет довольно определенно судить о характере урартских городов-крепостей. Нигде, рассказывая о походе ассирийского войска как через периферийные, так и через центральные области Урарту, реляция Саргона не упоминает специально именно рабского населения урартских крепостей, и, хотя писец всячески подчеркивает ущерб, нанесенный ассирийцами лично урартскому царю, однако в подавляющем большинстве случаев нет упоминаний о том, что земли, окружавшие эти крепости и разоренные ассирийскими войсками, принадлежали именно царю Русе.

Проследим сообщения, реляции Саргона в том порядке, как они изложены в оригинале¹. Саргон подходит к пограничной урартской крепости Ушкайя в области Суби. «Люди, живущие в этой области, во всем Урарту не имеют равных в умении (обучать) лошадей (для) конницы», — сообщает писец: это занятие характерно, несомненно, для свободных, а не для рабов, причем речь идет не о гарнизоне, поставленном здесь, а именно о жителях области. Сюда доставляются для проверки и обучения лошади для постоянного войска Урарту («царского полка»), которых взимают (iṣabbatū, букв. «хватывают») с населения в порядке налога (глагол iṣabbatū связан с термином ṣibtu, «налог скотом»)². «Эти люди крепости и области увидели поражение Русы... Их предводители, сведущие в битве, которые бежали от моего оружия, ... прибыли к ним», и т. д. Вряд ли можно сомневаться в том, что жители (именно жители, а не урартский гарнизон), с точки зрения писца Саргона, были свободными и воинами.

Далее Саргон берет Аниаштанию, «дом табунов» Русы. Здесь, следовательно, была база урартской конницы и, возможно, конский завод; но мы уже знаем, что эти кони разводились не внутри какого-либо царского хозяйства, а собирались с населения в виде налога. Здесь же находились

¹ F. Thureau-Dangin, Une relation de la 8-me campagne de Sargon II, P., 1912, см. перевод в ВДИ, 1951, № 2, «Ассирио-вавилонские источники по истории Урарту» текст № 49.

² Ср. в «Иммунитетных» грамотах: sibit alpê-sunu lâ iṣabbat «их натуральный налог (скотом) (никто) не будет взимать», РЗОА, стр. 129.

склады урожая и «соломы», т. е., по всей вероятности, натурального налога продуктами и фуражом.

Саргон берет крепости Таруи и Тармакису (Тавриз). Эти крепости были построены вблизи «дома ячменя» Русы, т. е., очевидно, охраняли государственные хлебные склады. Тут же находилась и еще одна база войсковой конницы. Здесь Саргон уничтожил «их обильный урожай». Чей? Очевидно, урожай жителей этих крепостей и упоминаемых тут же окрестных поселений, может быть, забранный у них в виде налога; к царю Русе это местоимение множественного числа относиться не может.

Следует описание Улху, города, сооруженного или обновленного Русой в орошенной им ранее безводной местности¹. Город охранялся особой крепостью Сардурихурда. В Улху имелся царский дворец и, повидимому, царские же табуны коней, стада рогатого скота и верблюдов. В неясном контексте упоминается 300 имеров посева. Имер может быть мерой емкости и мерой площади. 300 имеров площади — это не более 200—250 га, — для царского хозяйства величина небольшая. Тут же, повидимому, шла речь о продаже зерна; это хозяйство, если здесь речь идет действительно о царском хозяйстве, было, стало быть, товарным, что вряд ли можно считать типичным для царской латифундии. Смысл латифундии, при всех неудобствах содержания больших отрядов рабов, заключается главным образом в освобождении хозяина от рынка и в самоснабжении. Нужна высокая степень специализации в сельском хозяйстве и развития производительных сил, чтобы могла создаваться товарная латифундия².

Тут же писец говорит о «его (т. е. города Улху?) амбарах», но опять об «их урожае», причем из контекста ясно, что речь может идти только о жителях Улху, так как о других поселениях этого района говорится ниже и отнести это «их» не к жителям, а к поселениям невозможно.

Следует разорение ряда городов области Сангибуту. «Люди их в изобилии и богатстве [.....] всякого рода умножали траты». Эти люди следили за огнями сторожевых вышек, предупреждавшими о наступлении врага, они же, очевидно, и зажигали их. Здесь Саргон захватил «их накопленные сокровища»; это сообщение явно связано со сделанным выше указанием на богатство жителей городов Сангибуту. О царском хозяйстве здесь нет речи, как нет упоминания ни о чуждых местному населению гарнизонах, ни о рабском населении городов. Дальше говорится, тем не менее, о царских запасах ячменя. С нашей точки зрения, это неудивительно: это были запасы натурального налога; как о всяких государственных хлебных запасах, о них можно сказать (как сказано здесь), что они создавались «для поддержания (жизни) страны и людей». Сады и виноградники здесь, впрочем, действительно, быть может, были царскими. Они названы «е го садами», что можно было бы отнести к Русе, царю Урарту. В Ассирии царское садовое хозяйство засвидетельствовано еще в среднеассирийский период (во второй половине II тысячелетия до н. э.). Отметим, впрочем, следующее: то, что обозначено как принадлежащее царю, не обязательно должно принадлежать ему лично: царь может выступать здесь как представитель государства в целом; но то, что названо «их», во всяком случае не может быть отнесено к царю.

Область Армарили. Здесь Саргон уничтожил «урожай, надежду

¹ Город Улху назван «городом движимого имущества Русы» (numâta означает, собственно, «пожитки», ср. Законы Хаммураби, §§ 25 и 34). Вероятно, здесь были сложены предметы убранства и обихода царских дворцов.

² Храмовые хозяйства древнейшего Шумера вели, повидимому, в небольшом масштабе торговлю хлебом с окружающими странами, но следует учесть, что древне-шумерские «города-государства» не имели вооруженных сил, достаточных для завладевания необходимым им и отсутствовавшим в Шумере сырьем, в частности металлом.

людей его, и солому, жизнь скота его». Первое выражение — довольно неопределенно и может быть истолковано по-разному. Что касается второго, то следует учесть, что «солома» (tibnu) — ассирийское обозначение натурального налога фуражом; поэтому это выражение может означать, что были уничтожены фуражные склады натурального налога, а вовсе не то, что был уничтожен корм царских стад. Следует опять уничтожение «и х урожая».

В городах области Айаду «были поставлены его (царя Русы) лучшие бойцы, победоносное в битвах войско, пращники (?) и копьеносцы, надежда его страны». Были уничтожены «и х амбары», «и х сады» и т. д. Опять ни слова ни о царском хозяйстве, ни о рабском населении крепостей, хотя речь, очевидно, идет в данном случае о гарнизонах. Но, повидимому, и гарнизонные воины могли иметь свои собственные хозяйства, а не довольствоваться прямо от хозяйства царского.

Последнюю урартскую крепость, с которой пришлось иметь дело Саргону при выходе на южную периферию Урартского государства, — пограничный Уайаис — ему не удалось взять. Про эту крепость в тексте сказано, что «поселены были в ней его (царя Русы) храбрые боевые воины...». Здесь Саргон «сады его» (города или Русы?) вырубил и посек его рощи.

Таким образом, все урартские крепости, которые встретились Саргону на его пути, были населены прежде всего свободными воинами, — частью воинами урартских гарнизонов, частью же, повидимому, местными жителями, — имевшими, безусловно, свои личные (надо думать, рабовладельческие) хозяйства, не входившие в состав царских хозяйств.

Тот факт, что урартские цари организовывали государственными средствами оросительные системы, обеспечивавшие водой создаваемые ими крепости, как указывает и Г. А. Меликишвили, не должен еще означать, что эти каналы обслуживали только государственные же хозяйства. Так, Кешиш-гёльская надпись Русы I прямо говорит о том, что кешиш-гёльский искусственный водоем был им создан для жителей города Тушпы¹, которые имели, разумеется, собственные хозяйства. Г. А. Меликишвили показал наличие в Урарту частного землевладения², и эти частновладельческие хозяйства пользовались водой, вероятно, и из царских каналов.

¹ Букв. «для юношества (?) тушпского», LÜTUR-še URUTu-uš-pa-i-ni-[e], CICH, 145, стк. 11. По поводу этого термина см. «Эпиграфика Востока», IV, 1951, стр. 114. Высказанное там же сомнение по поводу правильности чтения этого термина излишне — чтение знака TUR в этом слове подтверждается. Ряд других моментов упомянутой заметки требует уточнения в свете новой полной публикации Топузавинской билингвы Русы I в RA, XLIV (1950), стр. 185 сл., и XLV (1951), стр. 3 сл.

² Конечно, трудно судить, каков был характер собственности в Урарту: были ли отдельные частные рабовладельческие хозяйства лишь владением этих рабовладельцев при верховной собственности царя, или царь осуществлял только публично-правовую власть, а собственниками земли были сами рабовладельцы. Следует отметить, что Урарту было, по сравнению с Ассирией, значительно более молодым классовым обществом, и поэтому уровень развития рабовладения в нем мог быть ниже, чем в Ассирии. Нам, уже приходилось указывать («Эпиграфика Востока», IV, 1951, стр. 114) на вероятность сохранения сильных первобытнообщинных пережитков в Урарту. Весьма вероятно, что там, где мы говорим условно о частных хозяйствах, правильнее было бы говорить в ряде случаев (наряду с отмеченными Г. А. Меликишвили хозяйствами крупнознати, обычно рано индивидуализирующимися) о патриархально-родовых или большесемейных хозяйствах. Нам, в частности, не вполне ясно, в какой мере можно считать владения «братьев Русы» их личными хозяйствами, причем, как полагает Г. А. Меликишвили (ук. соч., стр. 35), «каждый из них, очевидно, владел целым „городом“ и находящимся вокруг него хозяйствами»; не более ли вероятно видеть здесь земли царского рода в целом (причем не обязательно охватывающие все население этих «городов» и всю их территорию), лишь с отдельными наделами тех или иных родичей царя в пределах родового владения. Это объясняло бы, почему «города братьев Русы» и «город (родичей) Сардури» были сконцентрированы в одном месте, а не разбросаны, как можно было бы ожидать в противоположном случае, по разным территориям.

Поэтому нет необходимости, как нам кажется, предполагать, что «Русина долина», «Минуина долина» и тому подобные обозначения всегда выражают прямую принадлежность всей долины непосредственно царю Русе или царю Минуе. Из городов, перечисляемых реляцией Саргона, лишь в Улху, где имела царская резиденция, имелось и сколько-нибудь значительное царское полевое хозяйство, однако, несомненно, не охватывавшее всей территории, тяготеющей к данному городу; может быть (но не наверное) существовали еще и царские садовые хозяйства кое-где и в других местах. Имевшиеся же в ряде крепостей государственные запасы следует скорее всего рассматривать как склады натурального налога. Археологический материал раскопок Кармир-блуря заставляет предполагать, что в урартских административных центрах существовали также крупные царские ремесленные мастерские для переработки поступающих в качестве натурального налога продуктов, применявшие труд рабов.

Несомненно, что все это требовало наличия значительного количества царских рабов, но все же едва ли можно предполагать, что урартское царское хозяйство поглощало в качестве своих рабов подавляющую массу пленных, число которых исчислялось сотнями тысяч в каждое правление.

Следующее соображение подтверждает ту мысль, что не все пленные, захватывавшиеся урартами, могли обращаться в рабов, тем более в рабов пространных полевых хозяйств. Для того, чтобы уводить каждый год тысячи и десятки тысяч пленных, и в особенности для того, чтобы поддерживать безопасность существовавшего общественного порядка от таких громадных масс рабов, урарты должны были либо обладать войском, настолько же превосходившим технически войска соседних народов и племен, насколько, скажем, войска Рима превосходило войска галлов, германцев или фракийцев, либо же обладать подавляющим численным превосходством. Но разница между военной техникой урартов и их соседей была не столь уж значительна, следовательно, главное было, очевидно, в численном превосходстве. Армии, численно значительно превосходившей войска соседей, маленькая центральная область Урарту, «страна Биаинли», одна выставить не могла. Безусловно, что создателями не только технических достижений, оросительной системы, архитектуры Урарту и т. п., но и его военной и политической мощи были не одни лишь урарты в тесном смысле слова, но и все население урартского Закавказья, которое должно было в той или иной мере включаться в состав урартского войска. На это и указывает, например, текст Аргишти I о переселении «бойцов» (gunusini) из Софены и Малой Азии в крепость Ирбу¹.

Поэтому с нашей точки зрения, хотя рабовладельческий характер войн урартских царей не подлежит никакому сомнению, не все покоренные жители обращались в рабство. Часть из них, конечно, использовалась в качестве рабов в царском ремесленном и садовом хозяйстве, а также в сравнительно не столь больших царских полевых хозяйствах, — затем в храмовых хозяйствах, существование и характер которых прекрасно показаны Г. А. Меликишвили; большая же часть, вероятно, попадала в частные руки путем дарения и распродажи или сажалась на землю в качестве самостоятельно хозяйствующих государственных рабов.

¹ В этой связи интересно отметить, что урартские тексты обозначают воинов или какую-то важную категорию воинов — идеограммой LU A-SI^{meš}. Эта идеограмма, видимо урартской, встречается, насколько мне известно, еще только в хеттской клинописи. Но здесь она означает не воинов, а, повидимому, пленных, — в частности, тех, которые, согласно § 48 I таблицы хеттских законов, получали несколько урезанные права воинов вместе с соответствующими земельными наделами.

Если в Ассирии подобными переселенцами заселялись преимущественно разоренные прежними войнами земли¹, то в Урарту они могли быть необходимы для освоения ранее не орошавшихся территорий², где, несомненно, ощущалась большая нужда в людях. Но при всех этих разнообразных формах рабовладельческого использования рабочей силы пленных, которые мы можем предполагать для Урарту, довольно значительная часть захваченных на войне людей должна была включаться в войско и размещаться в качестве гарнизонов в различных заново воздвигнутых и возобновленных урартскими царями крепостях.

